

Послесловие

Неожиданные задержки в пути привели к тому, что все мои петербургские планы полетели прахом, в лучшем случае отложились на месяц. Так что на этот раз даже не было необходимости туда добираться. В связи со своими дорожными «открытиями», я не очень о том жалел и остался в Новгороде на несколько дней, с тем чтобы по горячим следам сделать первые заметки к этой книге.

Я так и не «доехал» в своем повествовании до конца. И Подберезье, Спасская Полисть, Чудово, Любань, Тосно и, куда-то исчезнувшая, София остались без нашего внимания. Кто знает, может быть, мы к ним еще вернемся?

Но на прощание вот о чем.

Я очень хотел увидеть книгу А.Н.Радищева, принадлежащую А.С.Пушкину, то есть ту самую книгу, которую герой пушкинского путешествия открыл для чтения в Черной Грязи. Мне было любопытно узнать, как эта книга выглядит? Я даже намеревался ее описать в своей книге. Почему-то у меня не было ни малейшего сомнения в том, что мне без особого труда удастся эту книгу лицезреть, причем в своих руках. Когда, спустя месяц, я все же побывал в Санкт-Петербурге, то первое, что сделал, – пришел в дом-музей А.С.Пушкина на Мойку 12. Поскольку Александр Сергеевич жил здесь и провел свои последние дни именно в этом своем доме, размышлял я, значит, все его книги здесь и остались, в его кабинете, и столь нужную мне книжку хранители дома-музея просто возьмут с полки и покажут.

Моя безупречная логика была одновременно и столь же наивной. Удивлению сотрудников музея не было предела: нашелся в наше время человек, полагающий, что принадлежащие Пушкину книги могут до сих пор находиться в его кабинете, а не в специальных государственных хранилищах! Я же удивлялся обратному: как это, книжки, принадлежащие Пушкину, мог кто-то вынести из его дома?

Я был любезно отослан в институт литературы, называемый еще Пушкинским домом, который находится на набережной Макарова и в

котором, как мне сказали, находятся все пушкинские книги и рукописи.

Я бросился туда, чтобы успеть к закрытию, тем более была пятница, надвигались выходные, а ждать до понедельника я не мог. Нарушая правила дорожного движения, весь мокрый, я примчался в этот самый институт и добрался до приемной какого-то начальника. Приняв секретаршу за ответственного работника, я стал ей объяснять, сколь необходимо увидеть мне радищевскую книгу, принадлежащую Александру Сергеевичу. Я говорил, что согласен посмотреть эту книгу в руках специалиста, пусть даже через стекло... Непониманию моей странной просьбы, кажется, не было предела. Тем не менее секретарша соединила меня по телефону с каким-то ответственным лицом, видимо заведующим отделом пушкинских рукописей. Во всяком случае, именно он решал: позволить ли мне посмотреть на эту книгу или нет.

– А зачем она вам? – спросил меня голос.

Я, как мог, стал объяснять, мол, Пушкин, Радищев, путешествие, книга очень нужна для моей работы, для возможной будущей книги и так далее.

– А «отношение» у вас есть? Документ от организации? Или письмо от учреждения на наш институт? – спросил голос.

– Нет у меня никакого «отношения», я просто хочу посмотреть на книгу, потому что сам пишу нечто такое же, – объяснял я.

– Ну, вы-то сами, где служите, где работаете? – пытались выяснить мой социальный статус, видимо, для того, чтобы по нему определиться со степенью доверия ко мне.

– Да нигде я не служу. Я сам по себе. Хочу написать про путешествие Радищева и Пушкина. И все.

– А вы знаете, – говорил ласково голос, принимая меня за сумасшедшего, – сколь ценна эта книга? Там ведь пометки Пушкина... Если каждому встречному её вот так давать...

– А скажите, когда в последний раз ее кто-нибудь у вас запрашивал, будь то прохожий или академик? – спросил я.

– Ну, это другой вопрос... – ответили уже раздраженно и, перед тем как повесить трубку, рекомендовали прочесть книгу Модзалевского, где, как мне сказали, есть исчерпывающее описание

этой пушкинской книги, и этого будет достаточно. Разговор был окончен...

Трудно описать чувства, которые я испытал, выйдя из приемной и медленно влачась по широким коридорам и лестницам, мимо роскошных портретов и равнодушных бюстов наших великих литераторов, в том числе и мимо бюста самого Александра Сергеевича. Во всех городах, селах и деревнях – на пути из Москвы в Санкт-Петербург – мне открывали двери, давали книги, бесценные рукописи, фотографии, делились своими знаниями, впечатлениями, биографиями, поили чаем, – и никто даже не спрашивал особенно: зачем это мне нужно? А здесь, в этом огромном городе и в таком же огромном доме, названном «пушкинским», никто не попытался понять, не захотел помочь, и не дали мне даже взглянуть на книгу, принадлежавшую когда-то Пушкину. «Принадлежавшую», потому что теперь она уже ему не принадлежит. «Да если бы Александр Сергеевич, – думал я, – вдруг узнал бы, что через 150 лет мне на его книгу даже не позволят взглянуть какие-то чиновники-охранники, то он бы такое им всем устроил!..»

– Дверь почему за собой не закрываете! – неожиданно привел меня в чувство голос вахтерши у выхода.

Я послушно вернулся и прикрыл дверь.

Через двойное стекло на меня, от имени всех, осуждающе смотрела в общем-то добрая бабушка. Чем-то похожая на мою.

Декабрь, 1996 г.